

I.

Сначала — сон. Человек на лестнице. Багровый ковер. Кто я?

Сон был жуткий. Полый череп. Внутри крошечная тьма, лишь посередине желтый огонек. Под ним играют в карты, но от лютого холода карты покрылись изморозью, и мастей различить невозможно. А дальше — широкая, как бы висящая в воздухе площадка, на ней ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу, лежат люди. Все на левом боку, согревая один о другого замерзшие колени и стынувшие бедра. Стоит шевельнуться одному — и тотчас вся цепочка приходит в движение, ее плотно пригнанные зигзагизвенья, как по команде, разъединяются, и вереница тел разом переворачивается на другой бок. И снова люди жмутся друг к другу, колено к колену, бедро к бедру. Но им уже не согреться. Мало-помалу они стынут, будто нанизанные на длинную иглу ледяной стужи...

И вдруг чья-то исполинская рука хватает заледенелый череп вместе со всеми этими адскими видениями и швыряет его в огонь. Череп лопается! Жуткая, невыносимая боль — и пробуждение!

Человек очнулся от тяжелого сна. Взгляд его скользнул по наклонной плоскости потолка. Первая мысль была: где я?

Лестница! Нижняя ступенька, с которой сбегает багровая дорожка ковра, служила ему во время сна подушкой. Вместо перил вдоль стены был натянут красный канат, а с противоположного края поднимался уходящий ввысь ряд конических мраморных столбиков.

Где я?

Человек вскочил.

Куда идти? Вверх или вниз?

Вверх!

Он спешит, прыгая сразу через три-четыре ступеньки. Пустая лестничная площадка между этажами — без окон, без дверей. И снова лестница, покрытая багровым ковром. Затем опять этаж, слепой, глухой, с белой лампочкой под потолком... Багровый ковер! Вверх! Бесконечной змеей ползет с правой стороны красный канат, а слева все убегают ввысь мраморные конусы.

Когда же это кончится? Где тут двери? Человек бежит вверх. Мысли у него путаются, багровый ручей ковра, точно поток лавы, вливается в мозг.

Внезапно он останавливается.

А может... может, было бы лучше бежать вниз?! Назад! Нет, поздно! Я уже слишком высоко. Вверх!

Еще этаж! И еще! Больше не могу... Еще один, последний. Безнадежно! Снова этаж с глумливо высунутым багровым языком ковра.

Сердце сдает, ноги подкашиваются. Выше уже не могу, не могу... Куда я попал?... Кто?... Я?... Кто это — я? Кто я?

Дикая мысль! Человек попытался сосредоточиться.

Кто я?

Но память молчит... Мыслей нет.

Как меня зовут? Как я выгляжу? Откуда пришел? Господи, ведь должно же у меня быть какое-то имя... Но какое... какое?

О, как болят виски, когда я пытаю себя этими вопросами! Только бы вспомнить, все сразу прояснится, и эта лестница сама собою исчезнет... Что же, что же случилось?

Все новые и новые этажи громоздятся один над другим, этажи слепые и глухие, и у каждого свое солнце на потолке — электрическое солнце под матовым стеклом.

II.

Ужасное открытие. Руки. Лицо? — Что было написано в блокноте. Возможность стать сыщиком. — Принцесса Тамара

И опять человек замер в своем безумном беге наверх. Ужас! В углу лестничной клетки белеет груда костей. Змеится сведенный судорогой позвоночник. Рядом — лопнувший, почти рассыпавшийся человеческий череп. Над этими скорбными останками, на стене, на высоте, до которой человек может дотянуться, стоя на коленях, нацарапаны буквы «С. М.». Под ними пять горизонтальных черточек.

Что это значит? Кто-то еще до меня тоже стремглав бежал вверх по лестнице... «С. М.» добрался до этого места и, обессиленный, упал. Он умирал на коленях и перед смертью сумел процарапать ногтем эпитафию над своей могилой. Пять черточек... Пять дней он здесь блуждал? Пять часов умирал?

От леденящего ужаса человек содрогнулся. Прочь! Прочь отсюда! Но куда? Есть два пути: вверх либо вниз. Куда же? Вверх! Ступени, ступени... Багрянец ковра раскаленным прутом буравит мозг. Когда же это кончится? О, если б знать, кто я! Превозмочь боль, от которой раскалывается голова, и все вспомнить! Память! Что случилось с моей памятью? Прошлое! Воспоминания! Адская боль! Кто я?

И вдруг — руки! Да, это мои руки... Может, я все вспомню, когда увижу свое лицо? Белые руки с длинными тонкими пальцами, узкие ладони. Белые рукава пиджака, шелковая рубашка, белые брюки, белые парусиновые полуботинки... А лицо? Как я себя узнаю?

Человек спрятал лицо в ладонях. Легкими прикосновениями пальцев он пытался «увидеть» свое лицо, выяснить, каков он с виду — красив или безобразен, молод или стар... Какой у него нос, какие губы. А волосы-черные они или тоже белые?

Неожиданно правая рука нащупала в нагрудном кармане пиджака что-то твердое. Маленький блокнот. На первых же страницах незнакомым почерком было написано:

«1. Пройти в Муллер-дом. Обследовать все этажи. Проникнуть в запретные помещения.

2. Экспортно-импортный концерт "Вселенная", переправа на звезды — не мошенничество ли это?

3. Чудо-металл солиум, из которого строят аппараты для межзвездных полетов. Насколько это соответствует действительности?

4. Кто такой Огисфер Муллер? Благодетель человечества или изверг? Почему он от всех прячется?

5. Загадочные похищения прекрасных женщин. Принцесса Тамара. Где они теперь?»

Разве я сыщик? — удивился человек. Может быть, это задания, которые я должен выполнить? Главные задания? Но как работать, если я ничего не помню?

Он полистал блокнот. И вдруг оттуда выпали три маленькие газетные вырезки. В первой из них было следующее сообщение:

«ПОБЕГ ИЛИ ПОХИЩЕНИЕ

Сегодня ночью из своей спальни исчезли принцесса Тамара и ее подруга Эли. Есть предположение, что ее увезли на Остров Гордыни, где находится знаменитый Муллер-дом. Не исключено, однако, что принцесса Тамара не похищена, а убежала сама, так как в последнее время ее охватила «звездная лихорадка». Вместе с Ее Высочеством исчезли и все драгоценности общей стоимостью в пять миллионов».

Во второй вырезке говорилось:

«Визит сыщиков в Муллер-дом закончился безрезультатно. Согласно информации,

полученной в секретариате концерна „Вселенная“, принцесса вместе со своей подругой улетела на звезду Л-4 в созвездии Лебедя. Интересно отметить, что доставка одного путешественника на эту счастливую звезду стоит 250 мулльдоргов, то есть 796 000 наших крон».

И еще один листок с очень коротким сообщением:

«ЗНАМЕНИТОМУ СЫЩИКУ ПЕТРУ БРОКУ ПОРУЧЕНО РАЗЫСКАТЬ ПРИНЦЕССУ».

А на последних страничках черного блокнота карандашом был накарябан вот такой список:

- «1. Анна Мартон, прима-балерина Национальной оперы, 24.III;*
- 2. Ева Сарат, манекеница, исчезла в разгар бала, около полуночи, после того как ее провозгласили королевой бала, 7.IV;*
- 3. Луна Кори, дочь банкира, исчезла из дворца Мориа в Венеции 30. VII;*
- 4. Сула Мая, кинозвезда, похищена из своей виллы 8.IX;*
- 5. Дора О'Брайен, красивейшая женщина Парижа, исчезла вместе со своим автомобилем в Булонском лесу 24.X;*
- 6. Коя Барардо, актриса Королевской драмы, исчезла после первого акта оперы «Конец мира» 3.XII».*

III.

Тайна первого зеркала. Дом в тысячу этажей. — Человек, потерявший память. Наконец-то: дверца в мраморной стене. Новые сведения о Муллере.

И еще кое-что нашел человек в нагрудном кармане пиджака — запечатанный конверт, адресованный Петру Броку

Он хотел было сломать печать, но вовремя заметил на обороте конверта красную надпись-предупреждение:

*«ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
НЕ ВСКРЫВАТЬ!
РАСПЕЧАТАТЬ ЛИШЬ ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЗЕРКАЛОМ!»*

Что такое? Уж не я ли этот самый сыщик Петр Брок? Но в памяти пустота, провал, спрашивай — не ответит... Как будто моя жизнь началась с момента пробуждения на лестнице. Пытаешься вспомнить — и в тот же миг голову пронзает адская боль, она пульсирует в недрах мозга, как зреющий нарыв. Может, в запечатанном конверте меня ждет разгадка? Может, там прячется волшебное слово, которое вернет мне память, прошлое, воспоминания, себя, мое "я"... Но где оно, это зеркало? Пока его найдешь, умрешь от усталости, от голода, от изнеможения, от разрыва сердца!

А пока что волей-неволей придется стать сыщиком! Может, я и правда был им когда-то! Но раз я человек, мне необходимо какое-то имя! Без имени жить нельзя. Мозг противится этой мысли, отбивается от воспоминаний, как безумец от смирительной рубашки. Решено! Отныне и пока не вернется память я — Петр Брок, сыщик. Буду разыскивать принцессу! И раз уж остался без прошлого, обрету хотя бы будущее!

Но в одном из карманов лежало еще кое-что, вначале не замеченное Броком. Большой лист бумаги, сложенный в восемь раз. Петр Брок воспрянул: это был чертеж,

план Муллер-дома — дома в тысячу этажей!... Но ведь это же не дом! Это гигантский город под одной крышей! И я должен пройти в этот лабиринт? Найти Муллера, хозяина этого города, и на одном из тысячи этажей отыскать принцессу? Ведь я человек без прошлого. А вдруг меня потому и лишили памяти, чтобы я безоглядно, всем своим существом, каждой мыслью своей, каждым порывом стремился выполнить эту высокую миссию?! Но как туда проникнуть? Ответа на этот вопрос в записях не было.

Петр Брок продолжил свой изнурительный путь. Он поднимался все выше и выше, упрямо, без отдыха. И снова мелькали этажи, без конца и края, без надежды. Неужели этот колосс вздымается до самого неба?... И нет ни окон, ни дверей, которые избавили бы его наконец от невыносимого багрового ковра.

И вдруг Брока осенило: а что, если в стене скрыта потайная дверь? Он остановился и начал проверять, ощупывать и простукивать стену. Но гладкие, плотно пригнанные плиты всюду отзывались одинаково холодным, глухим звуком. Брок взбежал еще на один этаж и снова принялся методично исследовать плиты стены. Теперь он продвигался вперед значительно медленнее, считая этажи. Конечно, давно пора было начать их подсчет, с той самой минуты, как он пришел в себя. Почему же он этого не сделал? А вот почему: он не знал еще, что является сыщиком и прислан сюда, чтобы разгадать великую тайну Муллер-дома. До сих пор его гнал вперед ужас, безоглядный, панический ужас. Но теперь, теперь необходимо обдумывать каждый шаг! Считать этажи! Сколько ж он их прошел? Тридцать? Пятьдесят? Назад ведь не вернешься! Значит, начнем отсюда! Попробуем измерить Муллер-дом хотя бы с середины. Итак: первый, второй, третий...

Когда Брок осматривал двадцать седьмой этаж, изучая тонкие швы между плитами, он, к своей радости, обнаружил на гладком мраморе маленькую, едва заметную блестящую кнопку. Нажал — никакого результата. Тогда он подцепил ее ногтями и что есть силы потянул. Наконец-то! Из плиты показался длинный серебристый стержень. Как только Петр выдвинул его целиком, мраморная плита подалась в сторону, и в стене образовался проход, ведущий в темноту. Петр Брок осторожно втиснулся в него. И задвинул за собой плиту.

Он очутился в темном низком коридоре. Голова его почти упиралась в потолок; касаясь руками стен, он ощупью, медленно двинулся вперед. Несколько шагов — и в темной глубине вспыхнула тонкая светящаяся нить. Подойдя ближе, он обнаружил, что это узкая щелка в деревянной перегородке, которой кончался коридор. Брок заглянул в щель — перед ним была полутемная каморка без окон. Стул, кувшин, стол, лампочка, железная койка. На ней сидел старик, глаза его неподвижно смотрели на лампочку.

Прижимаясь лбом к деревянной стенке, Петр Брок долго наблюдал за ним. Но старик даже не пошевелился. Невзначай Брок слишком сильно надавил на стенку, щелкнул замок, и стена открылась — дверь была без ручки. Сыщик оказался в комнате.

Старик испуганно вскочил и с криком повернулся к Броку.

— Простите за беспокойство, — извинился Брок. — Здравствуйте!

— Как ты сюда попал? — пролепетал старик, подбородок у него трясся от страха.

— По лестнице! Слава богу, хоть до вас дошел.

— По лестнице! — удивился старик. — Ты человек?

— А то кто же! Ну, как я вам нравлюсь?

— Я не вижу тебя. — Кончиками пальцев старик коснулся своих век. — Я слеп...

Только сейчас Брок обратил внимание, что глаза у старика мутные, подернутые голубоватой пленкой, точно лягушачьи икринки.

— Бедняга... — вздохнул он и неожиданно, без всякого перехода, спросил: — А что делает господин Муллер?

Старик съежился, и лицо его исказил ужас.

— Щедрый наш благодетель, кормилец наш. Господь и Владыка Земли и звезд... — невнятно забормотал он какую-то молитву.

— За что он заточил тебя сюда? — спросил Брок.

— Тише, тише, — в страхе зашептал старик, прикрыв ладонью рот. — Он всеведущ и вездесущ! Он все слышит!

— Ничего, мы еще до него доберемся! А собственно, чего ты, старик, боишься? Смерти? Так ведь хуже тебе уже не будет! Ну а если мне повезет, ты по крайней мере умрешь на свободе!

— Дай мне твою руку, — сказал старик. И вдруг воскликнул голосом, полным ненависти и злобы: — Если сможешь, сделай так, чтобы этот проклятый дом рассыпался в прах, обратился в пепел!

Петр Брок в нетерпенье забросал старика вопросами: — Говори! Расскажи мне все! Для чего здесь построен этот сумасшедший небоскреб в тысячу этажей? Что в нем происходит? Кто такой Муллер?

— Как? Этого не знаешь даже ты? Выходит, ты не столь всемогущ, как Он? Ты, который пришел по лестнице! Ты, которого мы так ждем! Кто ты?

— Не спрашивай меня! Не надо! Я сам ничего не знаю. Лишь одно мне ясно: передо мной стоит задача, которую я выполню. Я буду говорить с хозяином этого дома, хотя пока я его еще не знаю и искать его придется долго. Расскажи мне, кто такой Муллер.

IV.

Кто такой Муллер? — Металл легче воздуха. — Человек номер 794. — Чем питаются люди в Муллер-доме.

Старик покачал головой:

— Не знаю... И никто не знает. Никто не знал его подлинного лица. Одни твердят, что он дряхлый еврей, грязный, засаленный, с рыжими пейсами. Другие видели круглую лысую голову с двойным подбородком, словно приклеенную к уродливой туше, бесформенной, заплывшей жиром; не человек, а раздутый мешок, который самостоятельно передвигаться не может, и слуги переносят его с места на место... Дипломаты и банкиры знают совсем другого Муллера — бледного аристократа тридцати пяти лет, с моноклем и оттопыренной, чуть вывернутой нижней губой — признак непомерной, воспитанной веками спеси. А иные готовы поклясться, что это седовласый, согбенный старец, с лицом морщинистым, как печеное яблоко. Говорят еще, что маленькие серые глазки глядят из этих складок и морщин с младенческой доверчивостью. Но подпись его всегда одинакова, она ошеломляет и внушает ужас. Тонкая, будто выведенная иглой, она молнией падает вниз. Эта подпись знаменует собой его волю, его приказ, окончательный приговор, не подлежащий обжалованию. Сколько раз Огисфера Муллера убивали! Сколько пуль дырявило его череп! Сколько раз его топили, травили, сколько раз линчевали взбунтовавшиеся толпы! И всегда это был не Он! В конце концов всегда оказывалось, что это или его секретарь, или провокатор, или пешка какая-нибудь, или двойник, которого он подставляет вместо себя...

— А что такое солиум? — спросил Петр Брок, вспомнив записи в блокноте. Его память, не обремененная прошлым, работала просто замечательно. Он сам поражался, с какой легкостью вспоминает любую подробность событий после своего пробуждения. Каждое слово записей четко запечатлелось в его мозгу.

— Так называется вещество, которое обнаружено на этом острове глубоко под выработанным угольным пластом. Оно образует прежде неизвестный слой земной коры, примыкающий непосредственно к огненному сердцу Земли. Видимо, это последняя оболочка раскаленного ядра планеты. Солиум легче воздуха. Очищенный от примесей, он взлетает к Солнцу, чтоб никогда уже не вернуться.

Никто в мире не знает, сколько солиума добывает Муллер в своих рудниках. Больше, чем железа! Больше, чем угля! Мир бы преобразился, жизнь на нашей планете

стала бы совершенно другой, если б солиум использовался на благо человечества.

Но Муллер ревниво стережет свои рудники. Сверху они засыпаны, попасть в них можно только через подземелья Муллер-дома. Поэтому никто в мире знать не знает о невероятных запасах солиума. И Муллер с видом благодетеля продает его крупичками по неслыханной цене. Так, ничтожное количество солиума — не больше пылинки, танцующей в солнечном луче, — он продает университетам и богатым клиникам, а взамен получает золото, сумасшедшие, невообразимые деньги... Для себя же он солиум не экономит. Изготавливает из него бетон тверже стали, но легкий, как воздух. Из этого материала и построен его дворец в тысячу этажей — его гордость, его триумф, его победа. С высоты тысячи этажей он взирает на мир, а гордыня его возносится еще выше! Нет у Муллер-дома ни окон, ни дверей. В него трудно проникнуть и еще труднее выбраться. Он ничем не связан с окружающим миром, в котором находится. Так Муллер хранит свою преступную тайну...

Старик умолк.

— А теперь скажи мне, кто ты? Почему тебя держат взаперти? Ведь ты и так уже пленник вечного мрака — разве этого мало?... Как тебя зовут? — допытывался Брок.

Старик раскрыл ладонь. На ней был выжжен номер — 794.

— У меня нет имени, только этот номер... Я из восьмого набора рабочих, которые завершили постройку восьмой сотни этажей Муллер-дома. Все, кто строил эту окаянную башню, через пять лет теряли зрение. Бетон из солиума сверкает в солнечных лучах, выжигает глаза. Вся наша колония, занимающая сто этажей, населена слепыми. Это бывшие каменщики и штукатуры Муллер-дома!

— Чем же вас тут кормят?

Старик показал на стол. Возле кувшина с водой лежал кубик, запечатанный в целлулоид с рекламой фирмы «Окка». Размером он был не больше кусочка сахара. Брок снял обертку, лизнул кубик кончиком языка. Что это — зола, дерево, камень? Он был совершенно безвкусный.

— Это наш завтрак, обед и ужин. Концентрат питательных веществ, необходимых человеческому организму на одни сутки. Но в эти кубики по приказу Муллера вносят еще какую-то добавку, чтобы подавить наше естество. Он стремится высушить в нас те живительные соки, что зажигают пламя в глазах мужчин и женщин, что превращают человеческое тело в остров блаженства, где сбывается греза о потерянном рае... Мы не знаем любви, поэтому дни наши долги и унылы, и впереди у нас только смерть. Мы не чувствуем ни жажды, ни голода, нет у нас ни мечты, ни желаний, кроме одного, яростного, мучительного, которого не отнимет даже Господь Муллер! И желаем мы — смерти! Каждое пробуждение для нас — пытка, весь день мы помышляем лишь об одном — лечь, уснуть, умереть! Об этом мечтают тысячи и тысячи людей — о тихой ночи без сновидений, которой не будет конца...

— А уйти отсюда вы не можете?

— Куда? — спросил старик. — Всюду тьма. И даже будь я зрячим, мне все равно бы не убежать. На лестнице ждет голодная смерть...

— А куда ведет эта дверь? — поинтересовался Брок, внимательно осмотрев комнату.

— В коридор. В конце его железная клеть. Отсюда можно попасть в пятую зону.

— А там что?

V.

Вест-Вестер, город авантюристов. — Гедония, город блаженства. — Индустрия наслаждений в Гедонии

— Вест-Вестер. Там кишмя кишат авантюристы со всего света. Торгаши, продавцы и

перекупщики всевозможных вещей — старого тряпья, и свечей, и человеческих душ, чести и крови, ковров и богов, пудры и целомудрия — все они ринулись туда за счастьем. Шпики, соглядатаи, лодыри, преступники, шулера, провокаторы, штрейкбрехеры, предатели, психопаты, убийцы — целая армия темных личностей наперебой предлагает свои услуги. Здесь место жительства зависит от капитала. Чем ниже этаж, тем выше благосостояние. Чем выше поднимаешься, тем труднее жизнь. Своим этажом никто не доволен. Смотри по тому, хиреет их дело или процветает, они то поднимаются, то опускаются, но только в пределах отведенных им ста этажей. Вот таков он и есть, Вест-Вестер. Здесь можно за неделю пропить те полмиллиона пенсии, которые нам щедро отвалил Муллер. Да-а, в этих краях даже зрячему туго приходится, а о слепом и говорить нечего! Нашего брата вечно обманывают...

Брок тотчас подумал о своем чертеже-плане. И об этом городе, занимающем пятую сотню этажей. Ведь там, среди искателей приключений, он, пожалуй, найдет смелого и надежного товарища, который покажет ему дорогу к Муллеру. Но больше всего он заинтересовался нижней частью здания, против которой было написано «Гедония». Он спросил о ней старика, и тот с готовностью рассказал:

— Гедония — это хрустальный город, расположенный во второй сотне этажей Муллер-дома. Именно здесь чаще всего бывает Он в окружении целой камарильи дипломатов, банкиров и генералов. Говорят, тут можно испытать вечное блаженство еще на этом свете. Все эти райские уголки искусно укрыты и доступны лишь горстке его любимчиков и подхалимов.

Там существует огромная химико-механическая индустрия духовных и плотских наслаждений и разработана целая шкала состояний блаженства тела и души. Пяти человеческих чувств стало недостаточно, и, чтобы вкушать новых угод, были, говорят, открыты еще пять видов чувств. Любопытствие возбуждается с помощью всевозможных бальзамов и лекарств, пилюль и мазей, посредством различных массажей, инъекций и операций, во время которых частично удаляют отдельные органы и железы, перевязывают сосуды, укорачивают нервные волокна... Говорят, какую-то новую утеху обнаружили в чиханье, определенные хирургические манипуляции придают ему колоссальную интенсивность и даруют блаженную смерть. После особых душей и ванн у человека упоительно зудит кожа — там есть культ зевоты и щекотки, до того изощренной, что вытерпеть ее уже нет мочи...

Когда же все эти средства иссякнут, когда тело падает в полнейшем изнеможении — гаснет свет и наступает черед отдыха. Муллер сам решает, когда в Гедонии должна быть ночь, а когда — день, ибо солнце не властно над Муллер-домом.

Строитель, создавший эти райские кущи, навеки заточен Муллером в застенках. И только Муллер знает план своего неприступного рая. Ему известны все потайные ходы и выходы, все невидимые дверцы, все секретные замки. Они ведут в театры, дворцы, храмы и опочивальни. Звезда на потолке, откуда свисает люстра, распятие в алтаре храма, сдвинутая паркетная дощечка на полу в спальне — вот для Муллера небесные врата. Через них он может подслушивать, подглядывать и, повергнув всех в ужас, в нужный момент внезапно появиться и так же внезапно исчезнуть без следа...

— А что находится над вами? — спросил Брок. В его плане против этих этажей стояли вопросительные знаки.

— Больницы, богадельни, приюты для престарелых, куда приходят умирать...

— А выше?

— Сумасшедшие дома, тюрьмы, камеры обреченных на пытки и голодную смерть...

— А еще выше?

— Крематории...

— А на самом верху?

— Там, говорят, идет строительство, вечное строительство, этаж лепится к этажу, и нет этому ни конца, ни края. Город растет лишь ввысь, к небу. Необходимы все новые и

новые помещения, и нас мало-помалу, словно поршнем, теснят наверх... Во время переселения Муллер-дом напоминает растревоженный муравейник. Это дни безумной суеты и ужаса. Администрация, занимающая пятьдесят этажей сразу над Гедонией, не в силах справиться с паникой, которая обурекает всех обитателей дома...

VI.

Молодой старик. — О чем рассказало Брокку зеркало в конце коридора. — Распыленный

Брок коснулся руки старика и вдруг вспомнил про свой конверт.

— Нет ли здесь случайно зеркала?

Старик невесело покачал головой.

— На что слепому зеркало? Уж десять лет, как я смотрю во мрак.

— А сколько вам лет, дедушка?

— Тридцать три.

Пораженный, Брок воззрился на молодого старика. Не тридцать три, а все восемьдесят лет нужды и отчаяния избороздили морщинами его лицо.

— Так выглядят все, кто питается таблетками Огисфера Муллера.

Тут Петр Брок впервые почувствовал уверенность в своих силах. И решительно воскликнул:

— Ну, хватит! Уж я сумею найти способ встретиться с вашим Господом лицом к лицу!

Из глаз старика потекли слезы.

— Ты силен, ибо поднялся по лестнице! Десять лет я ждал, когда откроется эта дверь! Ведь лишь таким путем может прийти некто более сильный, чем Муллер! О господин, сделай меня и братьев моих снова людьми! Верни нам имена вместо номеров, дай пищу вместо таблеток, возврати любовь, желания и мечты! Выпусти нас из этой тюрьмы, дай солнце тем, кто потерял его навсегда!

— Клянусь! — сказал Брок.

Их руки соединились в пожатии. И внезапно Брок осознал всю трудность своей задачи. Вправду ли он настолько силен, чтобы тягаться с Муллером? Как проникнуть на заповедные этажи и не выдать себя?

И вновь Мелькнула мысль: конверт! Да, в конверте скрыта сила, которую он в себе ощутит, едва посмотрится в первое же зеркало.

— Где найти зеркало? — вновь спросил он старика, когда тот повел его длинным коридором, по обе стороны которого виднелись двери.

— В конце коридора, — сказал старик, — находится железная клеть. Это скоростной подъемник, на нем ты спустишься в Вест-Вестер. За клетью есть ниша, там висит на стене отполированная плита, холодная и гладкая, как змея. Не знаю, зеркало ли это, но, когда я стою перед ней, мне чудится, будто на меня смотрит моя слепота... Не знаю. Может быть, это просто стекло!

До лифта было уже рукой подать. Брок весь дрожал от возбуждения. Вот и клеть, а за нею под тусклой лампочкой действительно блестела широкая гладкая зеркальная поверхность,

Брок с конвертом в руке обогнал старика, бросился к стене и глянул на себя.

Крик изумления сорвался с его губ!

Он стоял перед зеркалом. Махал руками. Подпрыгивал. В общем, всячески показывал, что он здесь, что перед зеркалом стоит человек. Все напрасно. Зеркало его не видело, не замечало...

Он не отражался в зеркале!

Противоположная стена отражалась в мельчайших подробностях, но человек, стоявший между ней и зеркалом, себя не видел. Какое же это, к черту, зеркало, раз оно не отражает? Внезапно Брок увидел в этом странном омуте старика, который ковылял к нему. Уму непостижимо! Старик был виден в отполированном квадрате со всеми своими морщинами — но рядом с ним никого не было!

Вот тут— то Петра Брока и осенило. Он торопливо сломал красную печать, развернул сложенный вдвое лист бумаги и прочитал:

"По собственному желанию, на свой страх и риск я предоставил Оскару Эрилу свое тело для опыта по так называемому распылению /асприд/ чтобы таким способом и в таком состоянии /т.е. будучи невидимым/ проникнуть во все уголки Муллер-дома, раскрыть его тайны и, если подтвердятся страшные предположения, убить человека по имени Огисфер Муллер, на что мне даны полномочия решением секретного заседания судебной коллегии СПИ /Соединенных Штатов Мира/ на острове Последней Надежды. Эту жертву я приношу бескорыстно, не боясь последствий, о которых я был предупрежден, горя стремлением узнать истину, ради торжества справедливости и спасения человечества

Собственноручная подпись: Петр Брок"

Ниже другой рукой было приписано:

"Клянусь своим честным именем, что состояние так называемого распыления (асприд) прекратится ровно через тридцать дней

Подпись: Оскар Эрил"

Наконец— то Петр Брок понял, в чем его сила! В порыве радости он подхватил старика и закурился с ним в бешеном танце.

Старик тронул пальцем поверхность зеркала и тотчас в испуге отдернул руку.

— О, я боюсь зеркала под своими ладонями! Оно отвечает и незрячему... Зеркало никогда не ослепнет.

— Бросьте, старина! — вскричал Брок. — Ведь меня вы бы не увидели, даже будь у вас тысяча глаз! Никто меня не увидит...

Брок упивался своей невидимостью. Он приплясывал перед зеркалом, стучал, дышал на него, кокетничал с ним — все тщетно! Зеркало устало принимать и возвращать человеческие образы! Вернее, оно вдруг взбунтовалось и перестало действовать: отказалось отражать Петра Брока! Но Брок не сердился: я могуществен, как бог! Я могу все! Я сотворю чудеса, какие даже Христу не снились. Перетряхну проклятый мир этого высоченного домища! Ну, Муллер-дом, держись!

Он быстро простился с молодым стариком и вошел в клеть. Как только захлопнулась железная решетка, он почувствовал дрожь. Пол как бы начал проваливаться — Броку почудилось, что он летит в пропасть. Он зажмурился. От резкого падения голова закружилась, едва не лопааясь от боли. Петр Брок потерял сознание.